

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на материале романа И.П. Шамякина
«Атланты и кариатиды»
и его перевода на русский язык)**

Культура представляет собой характеристику социума в разный период его развития. Данное явление включает в себя «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» [2]. Передача культурных ценностей посредством языка заключается в осмыслении и усвоении текстовой и подтекстовой информации художественных произведений. «Художественная литература, по своей природе, в состоянии превращать в предмет изображения как картину реального мира, окружающего человека, так и его ощущения, чувствования, поток его сознания и его мышления, процессы духовного общения между людьми» [1, с. 34]. В художественном тексте, в котором автор представляет жизнь обычных людей, возможно выявить национально-культурный пласт информации, т. е. информации, которая формировалась из опыта предыдущих поколений, и которая стала культурной ценностью для их потомков.

Рассмотрев роман И. П. Шамякина «Атланты и кариатиды» в оригинале на белорусском языке и сравнив его с русскоязычным вариантом, нами были выявлены некоторые национальные ценности, которые в целом характеризуют белорусский народ. Сравним следующие фрагменты оригинала и его перевода. «*Уадзем да мяне, павячэраем. Поля і дзеці будуць рады бачыць цябе // Ідзем ко мне, поужинаем*». В оригинале данная коммуникативная единица имеет расширенный вариант, за которой видится желание Шугачева поддержать Карначу: не просто поужинать, а пообщаться с семьёй, проявить гостеприимство, человечность, поддержать, указать на значимость человека (дети рады только тем, кто им искренне нравится), помочь другу усилить чувство уверенности в себе и в своих поступках. Второе предложение содержит лишь фактическую информацию, в подтексте которой также можно увидеть дружеский жест. Однако русскоязычный перевод приведенного фрагмента является не полным, что лишает этот текст возможности показать именно культурно-коммуникативную направленность всего высказывания.

В следующем примере описательная фраза из 11 компонентов переведена всего лишь одним словом: «*Мамка не есць хлеба,— адчыніўшы дзверы, наведаміла Кацька так, быццам мама зрабіла подзвіг, пра які варта абвясціць усяму свету // Мама не ест хлеба, — приоткрыл дверь, сообщила Катька торжественно*». Акцентуацией читательского внимания на таком отношении ребенка к поступку мамы автор подчеркивает теплые и уважительные взаимоотношения в семье Шугачевых. Проявление детской непосредственности (для мамы важно – значит важно и для всех) говорит о

том, что семейные ценности прививаются детям в этой семье с самого рождения. О семейных ценностях свидетельствует и следующий фрагмент: *«Кацька пратэставала, стукала ў дзверы кулачкамі. — ... Не адчыніш — я парву твой чаацёж. Але пачуліся амаль бяшумныя Поліны крокі і малая тут жа сціхла; маці моўчкі павяла яе на кухню // Катька протэставала, стучала в дзверь кулачкамі. Но вскоре затихла — мать молча увела ее на кухню»*. В первом случае выражение *пачуліся амаль бяшумныя Поліны крокі і малая тут жа сціхла* вызывают чувство уважения к матери, которая сочетает в себе строгость и мягкость, тогда как во втором Поля Шугачева представлена достаточно строгой и волевой.

При описании внутренних монологов героев также выявлены различия культурного кода: *«А ведаць настрой чалавека — гэта вельмі важна // А зная настроенне начальства — это очень важно»*. Лексема *чалавек* в русском варианте передана словом *начальство*, имеющим более узкое и конкретизирующее значение, которое характеризует отношение говорящего к ситуации. Так, в следующем фрагменте *«...Завідрасціла яго жонцы. Шанцуе ж некаторым бабам!»* выявляется разговорный, просторечный компонент *«баба»*, который отсутствует в русскоязычном варианте: *«...Завидовала его жене. Везет же некоторым!»*. В оригинале данная лексема способствует созданию и усилению негативного пренебрежительного отношения к конкретной женщине, в языке перевода дополнительные характеризующие коннотации отсутствуют.

Разная коммуникативная направленность выявляется в следующих репликах, что также способствует проявлению культурно-национальной информации: *«Давяраеш? — Давяраю... // Договорились? — Договорились»*. В первом случае проявляется открытость белорусского народа, желание не просто договориться, а сделать что-то с искренним желанием помочь, чтобы заслужить доверие. В переводе на первый план выходит лишь сухой факт о завершенности дела. В следующем примере зафиксировано различие в восприятии картины мира: *«— А гэта смачнае віно? — па-дзявочы наіўна спытала Вета // — А это вкусное вино? — по-детски наивно спросила Вета»*. В оригинале используется выражение *па-дзявочы наіўна* со значением «наивный как девушка», а в русском варианте — *по-детски наивно* «наивный как ребенок». В фрагменте *«... Маўклівасць яго і пакорлівасць не вельмі падабалася. З выгляду не падобны на сціплага, сарамлівага чалавека // Молчаливость его и скромность не очень нравились. С виду не похож на такого уж смиренного, застенчивого человека»* используются лексемы *сціплы, сарамлівы*, которые используются со значением скромный и стыдливый, в то время как в русском варианте зафиксированы лексемы *смирный* (более покорный), *застенчивый*. Лексическое уточнение выявляется в следующем примере: *«Хацелася сустрэцца са старымі сябрамі-архітэктарамі не ў інстытутах, а ў больш інтымных абставінах // Хотелось встретиться со старыми друзьями-архитекторами не в институтах, а за дружеским столом»*. Так, выражение оригинального текста *«ў інтымных абставінах»*

заменяется на фразу «за дружеским столом», которое в языке перевода лишено двойного трактования.

В редких случаях автор-переводчик расширяет контекст: «*Не трэба, Максім, чаго не бывае! — уздыхнула Поля, хутаючыся ў халат.— Я вам пасцялю зараз // Не надо, Максим, чего не бывает! — вздохнула Поля, кутаясь в халат. — Я вам сейчас постелю. Раздевайтесь. Максим опять весело подумал: «Где она постелет? В каждом углу сопят дети».* В оригинале в образе Карнача чувствуется покорность, духовная связь с семьей друга, доверие к этим людям. В русскоязычном Карначе больше ситуативной ироничности в свете сложившихся обстоятельств.

Следует отметить, в оригинале романа чаще раскрывается внутренний мир героев, что не всегда сохраняется при переводе: «*Працу і чаканне цуда. Надзею, што ўрэшце з-пад майго рэзца выйдзе нешта вартае, ўвагі і жыцця не ў імя спажывання і камфорту, а ў імя выяўлення высокай ідэі // Труд и ожидание чуда. Надежду, что наконец из-под моего резаца выйдет что-то стоящее внимания».* И. П. Шамякин больше внимания уделяет характеристикам человеческих качеств. Это ещё раз подчеркивает культурные ценности белорусского народа (и автора как его представителя).

Сравнив оригинал романа с его русскоязычным вариантом можно выделить следующие национально-культурные ценности белорусов: открытость, уважение к членам семьи, дружеская поддержка, сочувствие. Очевидно, что использование такого приема перевода как сокращение оказывает влияние на изменение объема национально-культурной информации, содержащейся в оригинале художественного текста.

1. Салеев, В.А. Художественная литература как концентрат духовности этноса / В.А. Салеев // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. : в 2 ч. / Мозыр. гос. пед. ун-т им. И. П. Шамякина ; редкол. : С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2015. – Ч. 1. – С. 33-34.

2. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/846138>. — Дата доступа: 10.09.2019.

3. Шамякин, І.П. Атланты і карыятыды / І.П. Шамякін. — Мінск : Маст. літ., 1985. — 386 с.